

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ И ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ИРАНЦЕВ В КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН (КУНСТКАМЕРА)

*Работа представлена отделом этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).
Научный руководитель – доктор исторических наук М. А. Родионов.*

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) – один из музеев – обладателей коллекций иранского холодного оружия и защитного вооружения. Этнографический материал поступал в музей преимущественно в конце XIX – начале XX в. благодаря покупкам у частных собирателей, дарам коллекционеров, передачам от организаций, собирательской деятельности сотрудников музея.

The Museum of Anthropology and Ethnology (Kunstammer) is one of the museums that own Iranian arms and armor. The items appeared in the museum mostly at the turn of the 20th century in different ways: they were purchased from private collectors, presented as gifts, delivered by organisations, collected and brought from the Middle East by the museum staff.

Иранское оружие – весьма сложный предмет для изучения. Как отмечал еще Х. Стоклайн, в его формировании принимали участие все соседние народы, но, тем не менее, заимствуя иностранные формулы и образцы, иранские мастера всегда приспособливали их к идеям своей культуры¹. Во все времена в культуре Ирана отводилось весьма значительное место холодному оружию, что выражалось в качестве материала для изготовления клинка, в его художественном оформлении и, наконец, в сохранении функции и значения клинка при появившемся уже в XVI в. в Иране огнестрельном оружии.

В отделе этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранятся значительные собрания холодного оружия и защитного вооружения народов Ближнего и Среднего Востока: в составе тридцати коллекций значится 114 номеров и 162 единицы хранения, среди которых 58 номеров и 73 единицы хра-

нения составляют образцы оружия народов иранской языковой группы. Среди них 6 номеров и 7 единиц хранения – стрелковое и метательное оружие, 20 номеров и 21 единица хранения – предметы защитного вооружения, 1 номер и 1 единица хранения – ударное оружие и 31 номер и 34 единицы хранения – клинковое оружие. Образцы иранского оружия хранятся как в отдельных, так и в смешанных учетных коллекциях № 291, 333, 1274, 2145, 2436, 2548, 2704, 2706, 2723, 2872, 3033, 3157, 3418, 3477, 3502, 3842, 5113, 7023.

Самыми первыми памятниками иранского холодного оружия в петровском музее были образцы парадного оружия – подношения русскому двору от восточных владык, значившиеся там уже в 30-х гг. XVIII в. (изображения персидских ножей остались на акварельных рисунках экспонатов Кунсткамеры, исполненных в 1732–1735 гг. и 1749–1752 гг.²) и переданные в 1852–1853 гг. в Царскосельский арсенал, а в 1886 г. в Арсенал Императорского Эрмитажа³.

В дальнейшем коллекции иранского оружия в музее формировались благодаря покупкам вещей у частных лиц и дарам как отдельных собирателей, так и организаций.

В 1895 г. в составе смешанной коллекции предметов быта анатолийско-балканских турок, армян и курдов у восточного губернатора Карской области⁴ П. И. Томича были приобретены для еще небольших коллекций музея курдская сабля с ножами и копье. Первоначально в коллекции были две сабли с прибором, но с 1949 г. сабля и ножны к ней (№ 291–21 а, б) значатся как утраченные⁵. Через два года, в 1897 г., в составе большой коллекции предметов быта и музыкальных инструментов, собранных польским путешественником Б. Л. Громбчевским во время его поездки в Канджут в 1888 г.⁶, в Кунсткамере появились предметы холодного оружия (сабли, ножи) и защитного вооружения (щит) обитателей верховьев Инда⁷.

До 1917 г. в музей поступили еще несколько коллекций с образцами иранского оружия. В 1908 г. у госпожи С. А. Таренечкой был куплен афганский щит⁸. В сентябре 1913 г. у В. А. Иванова, выдающегося русского востоковеда-ираниста, была приобретена обширная коллекция (134 номера и 149 ед. хр.) предметов быта и культа персов (колл. № 2145), собранная им в иранском городе Хамадане, где, согласно автобиографии, он был в апреле 1913 г. проездом из Бирджана до Керманшахра⁹. В составе этой коллекции в музей попали два стальных топорика разной формы и размеров, но, по мнению В. А. Иванова, одинакового назначения – это приседельные топоры (перс. «табарзин»). Эти топоры, по мнению собирателя, очень старинные (особенно № 2145–48) и служили дервишам «для борьбы со страстями, которые представляются разгоряченному воображению дервиша в плотском образе, так как, придя в экстатическое состояние, дервиш размахивает топором, восклицая “Теперь я пора-

зил такой-то порок, такую-то страсть”»¹⁰. Принимая во внимание довольно пышный декор топора № 2145–48 (исполненные гравировкой в низком рельефе на фоне растительного орнамента изображения двух львов под короной), он, несомненно, использовался как ритуальный, тогда как второй (№ 2145–49) мог служить и как боевое оружие.

Еще один ритуальный топорик, исполнявший похожие функции, был подарен музею В. А. Ивановым в феврале 1915 г. в составе другой небольшой коллекции (№ 2548) персидских предметов быта. Топор из этой коллекции, также обозначенный В. А. Ивановым как «табарзин»¹¹, двойной и декорирован изображениями пары фантастических животных, напоминающих волков, исполненных в низком рельефе на фоне растительного орнамента и дополненных серебром.

В дальнейшем коллекция Кунсткамеры ритуальных топоров-секир пополнилась еще несколькими образцами, по форме и размерам напоминающим топор № 2145–48. Три таких топорика были привезены в 1914–1915 гг. еще одним известным востоковедом, выпускником факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета А. А. Ромаскевичем в составе большой коллекции предметов быта и культа (№ 2436), которую он собирал в городах Исфахан, Шираз, Мешхед, Тегеран, Керман по поручению музея¹². Все три топора (№ 2436–128, 2436–129, 2436–130), первый из которых двойной, судя по форме навешивания, характеру весьма пышного растительного орнамента с картушами и технике его исполнения (гравировка, низкий рельеф с серебряной таушировкой), были выполнены в одной мастерской, а декор, скорее всего, исполнялся одним мастером (трактовка орнамента и композиционное его расположение на клинке практически идентичны во всех трех случаях). Используя терминологию В. А. Иванова, такие топоры так-

же могут называться «табарзин», хотя они и все вышеописанные топоры по форме и размерам отличаются от тех, которые в литературе названы приседельными, бывшими традиционно меньшего размера, чем обыкновенные топоры (перс. «табар»)¹³.

В целом, качество исполнения этой группы топориков кажется выше, чем у предыдущих, однако самые изысканные топорики-секиры появились в музее уже после 1917 г.: в 1919 г. от известного востоковеда В. А. Жуковского в музей поступила коллекция предметов быта и культа иранцев (№ 2704)¹⁴, в которой под № 13 и 14 были зарегистрированы два топорика, украшенные эпиграфическим орнаментом на основе арабской вязи, исполненным по растительному фону и вписанным в картуш, еще одним картушем меньшего размера и стилизованным растительным орнаментом, расположенным вдоль лезвия. Оба эти топорика идентичны с точки зрения стиля исполнения, однако формы навершия и клинка, а как следствие, и расположение декора несколько различны, что заставляет полагать, что они, в отличие от предыдущей группы, сделаны либо в разных мастерских, либо в разное время и разными мастерами.

Таким образом, к началу 20-х гг. XX в. в Кунсткамере была собрана коллекция ритуальных иранских стальных топориков разных форм, среди которых выделяются шесть образцов в целом одинаковой стилистики исполнения, но выполненные в разных мастерских, из разного по качеству металла и в разное время (не позднее начала XX в.), что позволяет изучить тенденции в изготовлении и использовании этих предметов вооружения в Иране во второй половине XIX – начале XX в.

Одновременно с пополнением собрания холодного оружия в музей поступали и предметы защитного вооружения иранцев. 10 июня 1919 г. князь Э. Э. Ухтомский передал в дар музею коллекцию из двух пред-

метов вооружения персидской работы, собранную им на Кавказе (Грузия) и Персии¹⁵, – шлем, пышно декорированный растительным орнаментом и медальонами с арабской вязью, таушированный золотом и серебром, и кольчугу.

В целом после 1917 г. коллекции музея, в частности иранский фонд, стали пополняться довольно быстрыми темпами. Коллекции оружия созданного в 1918 г. Отдела мусульманских народов Средней Азии, а потом Отдела Передней и Средней Азии в 1919 г. обогатились переданными от экспертной комиссии шлемом и щитом, значащимися в коллекции № 2872 вместе с астрономической таблицей как персидские¹⁶. В том же году от Московской Чрезвычайной комиссии музею были переданы в дар две большие учетные коллекции, целиком состоящие из оружия. Коллекция № 2724 была зарегистрирована как коллекция турецкого оружия, тогда как коллекция № 2723 значится в описи как коллекция холодного оружия персов¹⁷. В действительности коллекция, состоящая из четырнадцати номеров и двадцати единиц хранения, содержит не только персидское оружие, но и, например, афганские сабельные ножны (№ 2723–26), ножны для турецкого ятагана (№ 2723–8), двухклинковый кинжал маду, бытовавший как в Индии, так и в Марокко (№ 2723–7а,б,в), складное ножевидное оружие с надписью латиницей на клинке, напоминающее испанскую наваху (№ 2723–6), а также саблю, судя по декору, исполненную, возможно, европейским мастером (№ 2723–1) (в похожем стиле выполнена еще одна сабля (№ 3116–2), приобретенная в 1925 г. у Р. Мухаммедова¹⁸).

Похожая ситуация сложилась с коллекцией, переданной в 1924 г. из Пушкинского Дома – № 3033. В составе коллекции, собранной в Иране, значатся ковры и оружие разных народов¹⁹. Для проведения атрибуции предметов вооружения в Кунсткамеру был приглашен помощник хранителя эрмитаж-

ного Арсенала Э. Э. Ленца, а с 1924 г. и хранитель секции оружия А. А. Автономов²⁰. В круг интересов А. А. Автономова входили вопросы терминологии восточного оружия²¹, что позволило ему выделить в составе оружейной части коллекции турецкую саблю (№ 3033–9а), албанский ятаган (№ 3033–10а), турецкий ятаган (№ 3033–12), польскую саблю с турецким клинком (№ 3033–14), арабский меч (№ 3033–15), два бухарских кинжала (№ 3033–17а, б и 3033–18а, б) и арабский кинжал (№ 3033–20а, б) с ножнами, турецкий джид (№ 3033–21а, б, в) и датировать памятники²². Таким образом, благодаря коллекциям № 2723 и 3033 к 1925 г. коллекции холодного оружия Кунсткамеры значительно пополнились не только иранскими образцами, но и предметами вооружения других стран и народов Ближнего и Среднего Востока.

В последующие два года в коллекцию музея снова поступили предметы вооружения, связанные с культурой дервишей. В июле 1925 г. у Е. Г. Черняковской, сотрудницы Всероссийского института растениеводства, за три рубля была приобретена небольшая коллекция предметов быта персов²³, в составе которой находилась пила пилорыла обыкновенного. Согласно описи, пила использовалась дервишами для изготовления меча – одного из дервишеских атрибутов²⁴. Это второй экземпляр такого рода в собрании Кунсткамеры, первый образец появился в 1914–1915 гг. в составе коллекции А. А. Ромасевича (№ 2436–132). Пилы пилорылов привозили в Иран либо с территорий Малой Азии, либо, что вероятнее, из стран Дальнего Востока, где их, оправив рукоятью, тоже использовали в качестве ритуальных мечей.

В декабре 1926 г. пополнилась и коллекция ритуальных топориков. М. Г. Вячеслов в Афганистане, в Айбаке, приобрел у встречного дервиша²⁵ небольшой стальной топорик, украшенный золотой насечкой и

грубо гравированными на полотне птицами, орнаментами и нечитающимися надписями арабицей, который он передал в дар музею в декабре 1926 г. Еще несколько предметов холодного оружия, собранных в Афганистане и характерных для афганских кочевников, были приобретены для музея не позже 1927 г. у Д. Д. Букинича в составе большой коллекции предметов быта²⁶, а в апреле того же года В. К. Клещинский за десять рублей продал музею пышно декорированный трехклинковый курдский стальной кинжал в стальных ножнах²⁷.

Исходя из приведенных выше данных, вторая половина 20-х гг. XX в. была отмечена регулярными поступлениями в музей оружия иранцев, которые завершились в 1928 г. передачей из музея ОГПУ большой коллекции оружия, состоящей преимущественно из иранского защитного вооружения²⁸, и коллекции, полученной от известного востоковеда Р. А. Галунова, предметов религиозного культа (мохаррам), в составе которой было копье.

Последующие годы характеризовались отдельными незначительными поступлениями предметов иранского оружия в музей, в числе которых был скипетр-булава, полученный от М. Б. Крицьяна в июне 1934 г. в составе коллекции утвари, амулетов и других предметов религиозного культа²⁹, и сабля, переделанная из косы, поступившая от академика Е. Н. Павловского, совершившего три экспедиции в Иран в 1941–43 гг. и собравшего значительную коллекцию предметов быта и культа персов, переданную в дар музею в три этапа – октябре 1958 г., ноябре 1961 г. и декабре 1965 г.³⁰ Следует также отметить, что в 1962 г. в Кунсткамеру в обмен на коллекцию предметов быта коряков была передана обширная коллекция предметов быта и культа, включавшая предметы холодного оружия нуристанцев, долгое время считавшихся носителями языков индоарийской ветви индо-

европейской семьи языков или даже языков иранской группы, но признанными последними исследованиями носителями языков самостоятельной группы³¹. Самым же последним приобретением отдела этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии в коллекцию образцов иранского холодного оружия стал шлем, переданный из

числа хранящихся в фондах МАЭ предметов³².

Таким образом, отдел этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии обладает обширной коллекцией иранского холодного оружия, демонстрирующей разные типы предметов вооружения, представляющие в основном боевое и ритуальное оружие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Stücklein H.* Arms and Armour. P. 2555 / Pope U.P. A Survey of Persian Art. Volume III. London, New York, 1939. P. 2555–2578.

² *Карнеев Э. П., Шафрановская Т. К.* Кунсткамера. СПб., 1996. С. 96–97, 105.

³ *Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С.* Ювелирные изделия Востока. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. М., 1984. С. 28.

⁴ Оп. 291.

⁵ Оп. 291.

⁶ *Лужецкая Н. Л.* Дорога в Хунзу (Б. Л. Громбчевский о своем путешествии 1888 г.). С. 352 / Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб., 1997. С. 352–362.

⁷ Оп. 333.

⁸ Оп. 1274.

⁹ *Иванов В. А.* Краткая справочная биографическая заметка (публикация текста и примечания О. Ф. Акимовской) // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002. С. 446–458.

¹⁰ Оп. 2145.

¹¹ Оп. 2548.

¹² Оп. 2436.

¹³ *Melikian-Chirvani A. S.* The Tabar of the Turkish Dervish. P.112 / Islamic Arms and Armour. Ed. by Elgood R. London, 1979. P. 112–115.

¹⁴ Оп. 2704.

¹⁵ Оп. 2706.

¹⁶ Оп. 2872.

¹⁷ Оп. 2723.

¹⁸ Оп. 3116.

¹⁹ Оп. 3033.

²⁰ Эрмитаж. История и современность. Л., 1990. С. 276.

²¹ Там же.

²² Оп. 3033.

²³ Оп. 3157.

²⁴ Там же.

²⁵ Оп. 3418.

²⁶ Оп. 3502.

²⁷ Оп. 3477.

²⁸ Оп. 3842.

²⁹ Оп. 5113.

³⁰ Оп. 6370.

³¹ *Эдельман Д. А.* Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. М., 1992. № 3. С. 44–66.

³² Оп. 7023.